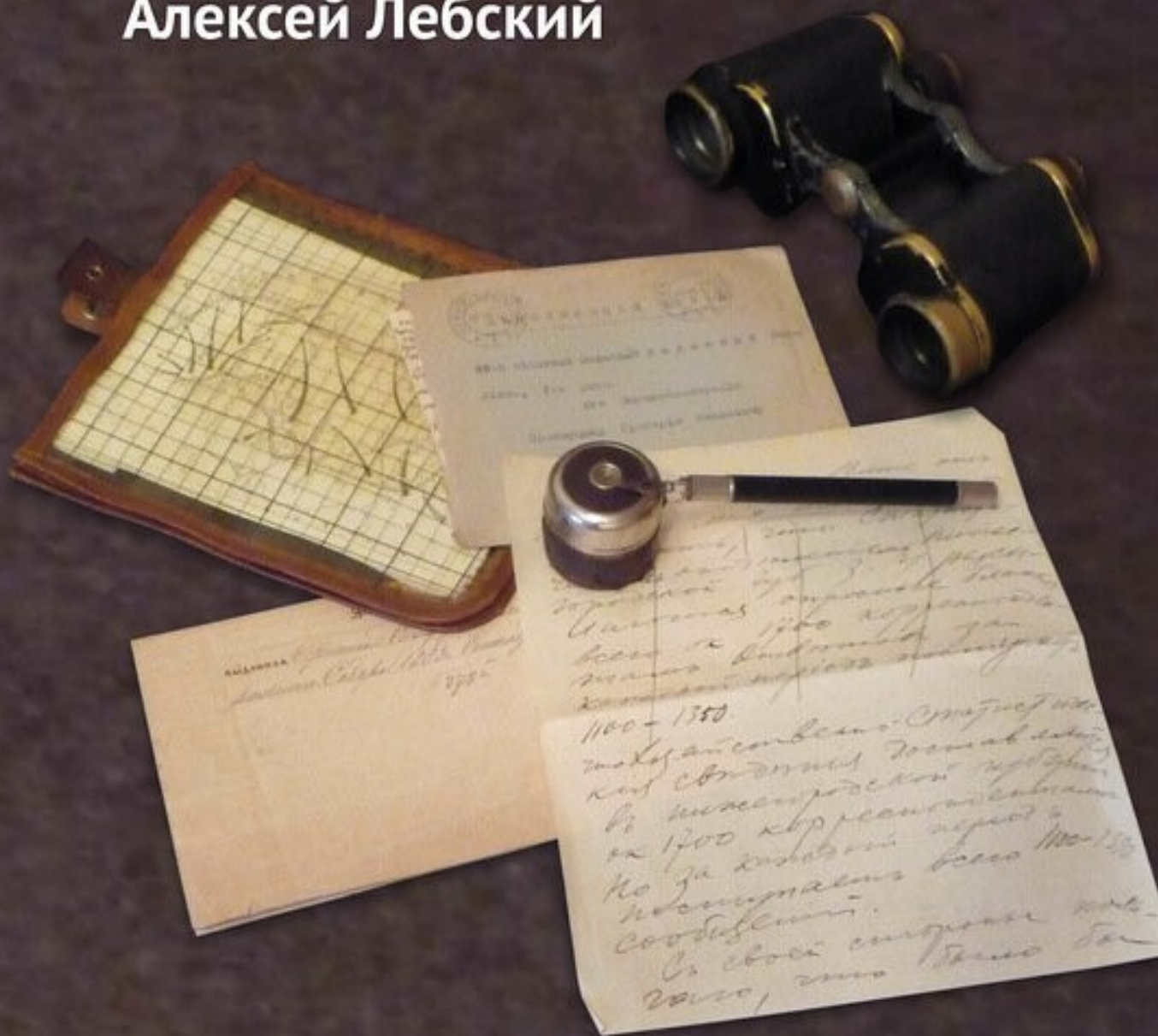

Алексей Лебский

ПАМЯТНИК РУССКОМУ ОФИЦЕРУ

Жизнь и судьба (Горизонт)

Алексей Лебский

Памятник русскому офицеру

«ИП Каланов»

2014

Лебский А. Ю.

Памятник русскому офицеру / А. Ю. Лебский — «ИП Каланов»,
2014 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

Автор книги, Алексей Лебский, в школьном возрасте, вместе с дедушкой и бабушкой, совершил интересное путешествие в Карпаты, к месту гибели своего прадеда на фронте I Мировой войны. Став взрослым, автор на основе личных впечатлений, рассказов родных, фронтовых писем, фотографий, журнальных статей и других сохранившихся документов семейного архива, написал многоплановую художественную повесть о жизни и подвиге прадеда, земского статистика Агапова, награжденного посмертно Георгиевским крестом.

© Лебский А. Ю., 2014

© ИП Каланов, 2014

Содержание

Часть I	6
Алеша	6
Григорий	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Юрьевич Лебский

Памятник русскому офицеру

*Лучшему другу моих детских и юношеских лет, моей бабушке –
Елене Григорьевне Агаповой посвящается*

© Лебский А.Ю., 2014.

Часть I

Алеша

На запад. Цель поездки. Попутчики. Ужин. Вечер в поезде.

Мы разместились со всеми нашими немногочисленными вещами в плацкартном купе. Мне уже приходилось и раньше путешествовать с бабушкой и дедушкой, чаще всего именно в таких купе мы и ездили. Мне нравилось, что можно полазать вдоволь с одной верхней полки на другую, вверх и вниз, устроиться где-нибудь удобней с книжкой или порисовать около окна на небольшом столике, который почему-то был постоянно липким от пролитого лимонада. В вагоне стояла духота. Как это часто бывает, в нашем купе окно не открывалось, вероятно, было заперто на треугольный ключ. Моя морская фуражка с крабом и белым чехлом раскачивалась на крючке рядом с брюками. За окном, в тумане и паровозном дыму растворялся Киев, с его громадными проспектами, зеленым красивым парком с таким колесом обозрения, какого я больше нигде не видел, даже в Москве, где мы бывали у друзей. По правде, от Киева я устал, вот уж где много шума и суеты было, тем более, бабушка в последний день полностью оставила меня на попечение тети Лены и ее родственников. Дядя Николай утром возил меня по городу на своей «Волге», отчего меня с непривычки сильно укачало. Потом был замечательный обед с киевским тортом из цукатов и сухофруктов, чай и разговоры о Киеве, о Горьком и Москве. Наверное, навсегда запомнится Печерская Лавра, Софийский собор, Подол, Крещатик... Да и киевский зоопарк был великолепен – меня невозможно было оторвать от вольера с яванскими макаками, а «дитячий майданчик» даже у моей сдержанной бабушки вызвал бурный восторг.

Усталость брала свое, и мерное постукивание колес поезда навевало сон, хотя было еще далеко до вечера.

Зимой я часто болел, поэтому в летний период бабушка старалась отвезти меня в теплые края: Крым или Кавказ, на Черное или Каспийское море, к оздоровительным соленым волнам и жаркому солнцу. Жили в пансионатах, в Доме отдыха актера, если же путевку не удавалось купить, то просто снимали комнату. Иногда, во время наших путешествий дед ухитрялся находить свободные дни, брал билет на поезд и неожиданно появлялся. Мог приехать из Горького в Крым или на Кавказ, где мы отдыхали, взяв отпуск на несколько дней. В разных городах он встречал знакомых артистов или просто своих учеников, разъехавшихся после окончания училища по всей стране, и все ему были рады, и я очень гордился тем, какой он у меня необыкновенный, замечательный. Его явления напоминали театр, которым он жил. И сам он был для меня – большой человек-театр.

Когда мне было 3–4 года, он легко усаживал меня на плечи, а сверху накрывал старым дырявым пледом, чтобы я через отверстия мог смотреть и дышать, и мы изображали жирафа. Это было незабываемое представление – несмотря на высокие потолки, я легко мог дотянуться рукой до люстры или достать книгу с самой верхней полки. В зимние вечера с удовольствием наблюдал я за тем, как он мастерил что-нибудь. В его больших руках из обрубка засохшего корня с помощью пилы и наждачки возникала красавица Жар-птица, из горы бесполезных обрезков досок – табурет и т. п. При этом он всегда доверял мне поработать пилой, молотком или отверткой, направляя мои действия. Могучая энергия творчества кипела в нем, подогреваемая любовью ко всему прекрасному. Он не мог пройти равнодушно мимо красивого резного наличника или старинного купеческого дома в стиле ампир, восхищался и зарисовывал или фотографировал узор кованых ворот.

В дороге он всегда жадно смотрел в окно поезда, был задумчив и поглощен красотой окружающего мира, будто, в нем зрели какие-то дивные и одному ему ведомые замыслы...

В этот раз, после окончания мной второго класса школы, мы ехали в сторону Карпат все вместе и потому, спокойствие и безмятежность были на лице у бабушки. Она лежала на нижней полке и с упоением читала австралийские рассказы Генри Лаусона. Мы ехали, чтобы посетить могилу ее отца, погибшего в бою за Ворохту в 1916 году.

По книжкам чешских и венгерских сказок я очень расплывчато представлял себе Карпаты. Были ли это горы с заоблачными заснеженными вершинами или нет, паслись ли там овцы или горные козлы на склонах, поросших сочными травами – все это мне казалось очень загадочным и интересным. Когда я попросил деда рассказать мне что-то о той войне в горах, он нахмурился. Он люто ненавидел всякую военную технику для убийства большого количества людей, и среди огромного количества моих игрушек, в основном, приобретенных им, не было ни танков, ни автоматов. Исключение составляли пистолет с пистонами и доставшиеся в наследство оловянные солдатики. И сейчас в поезде он отвечал на мой вопрос сдержанно. Он рассказал мне о храбром солдате Швейке, об Австро-Венгрии, об убийстве в городе Сараеве, которое привело к войне и вторжению немецких и австрийских солдат в Россию. В мою голову почему-то приходили мысли о буденновцах в остроконечных шапках, буржуинах в цилиндрах и фраках с галстуками-бабочками из враждебной загадочной Антанты. Вопросы из меня сыпались как из рога изобилия:

– Дедушка, а Швейк за кого воевал, за австрийцев?

– Да, конечно.

– Так ведь он был чех, как же так, – я начинал запутываться. Я знал Швейка только по рисункам Йозефа Лады.

– Понимаешь, Ленька, Чехия входила в состав большой Австро-Венгерской Империи и обязана была посылать своих солдат сражаться на её стороне, против русских. Швейк вовсе не хотел по собственной воле идти на фронт и убивать людей.

– А что такое Антанта? На чьей стороне она?

– Да, а вот Антанта, т. е. военный союз Англии, Франции и Америки как раз сражалась на стороне Российской Империи.

– Но как же так, ведь они были очень далеко от России, – я ткнул пальцем в маленький дорожный атлас.

– Да, ты прав, поэтому государства Антанты сражались с Австро-Венгрией на фронтах с ее западной стороны. Несмотря на то, что главный враг России был окружен со всех сторон, на суше и на море, русские войска и Антанта несли ощутимые потери. Дед задумался и добавил:

– А еще ту войну назвали Первой мировой оттого, что втянутыми в нее оказались очень многие страны... Слушай, Ленька, война – страшная мерзость, помни всегда об этом!

Поняв, что разговор о войне закончен, я забрался на верхнюю полку, и сидел там, болтая ногами. У меня была с собой книга, зажатая в откидной полочке для полотенец, но читать не хотелось, я задумался обо всем услышанном. Много было непонятого и как мне казалось, неправильного во всей этой истории. Я покрутил ручку громкости радио: мой любимый Марк Бернес пел «просто я работаю волшебником, волшебником». Мне нравился Бернес и его песни, такие простые и понятные. В них была огромная любовь к жизни. И голос, голос очень доброго человека. Я слушал и смотрел в окно.

Скоро должны принести чай в купе. Чай в поезде под стук колес, с кубиками сахара в крохотных упаковках, что может быть лучше?

Народ устроился в вагоне окончательно, перестал хлопать дверьми и полками, кто-то закурил в тамбуре рядом с нами и дед недовольно заворчал, (он не любил курильщиков и воевал с ними) и отправился закрывать все двери, и пожурить виновника. Вечерело, и августовское небо проявило контуры серебристого месяца. Месяц летел вперед, вместе с поездом, двоясь в

окне, а деревья и кукурузные поля неслись назад, к Киеву. Попадавшиеся вдоль дороги синие столбики-указатели с цифрами стали еле различимы. Ночные картины все больше захватывали меня, и я даже не заметил, как появился проводник со стаканами. Дребезжание ложечек в стаканах с подстаканниками дополнилось общим оживлением в вагоне. Сидевшие напротив нас около окна молодая девушка и ее спутник готовились к ужину. Молодой человек весело шутил, отрезая толстый кусок поджаристого круглого белого хлеба, говор его был быстрый, настоящий киевский. Девушка, закрепив привычным движением, золотистые волосы в хвост, занялась приготовлением салата из больших розовых помидоров, красиво, залиvisto смеясь. Оба они, загорелые, возвращались домой, наверное, отдохнув на юге. Мы тоже занялись едой.

Дедушка на какое-то время залюбовался блондинкой, а затем достал перочинный нож и стал чистить краковскую колбасу, напевая что-то из своего спектакля по пьесе Лопе де Вега. На столе появились вареные яйца – вечные спутники железных дорог, картофель в мундире, немалых размеров огурец, соль в коробочке и завернутые в фольгу котлеты от тети Лены.

Когда с ужином и чаем было покончено, я уговорил бабушку на партию в карты (обычно резались в «пьяницу»), а потом снова отправился на верхнюю полку и выключил верхний свет. У меня накопилась еще уйма вопросов, но дед просил не приставать к бабушке с военными историями.

– Бабушка, а мы скоро приедем? – спросил я.

– Алеша, я думаю, часов через пять – шесть.

И она объяснила, что предстояло выходить на станции ночью, а потому мне нужно как следует выспаться, а ей приготовить наши вещи, чтобы ничего не забыть.

Григорий

Утро. Прибытие. Площадь у вокзала. Прощай, поезд!

Дежурный поднял за час до высадки. Дальше этот поезд не шел, – в городе Проскурове принимали пополнение. Предстоял длительный поход на запад, новая жизнь, военная работа, полная тревог и неясности...

Григорий Агапов проверил еще раз чемодан, сложив в его внутренний карман письма из дома и небольшой блокнот в клетку, в черном лаковом переплете. Всю ночь лил дождь, но почти никто в вагоне второго класса не спал, будто это была последняя ночь в человеческих условиях в сухости и тепле. Дождь бушевал, стучал, что есть сил, по крыше и в стекла пульмана несколько часов кряду, и теперь только к утру затих. Прапорщик Александров рассказывал в соседнем купе анекдот «с бородой», а Юдин, с отсутствующим видом на нижней полке раскладывал пасьянс, пытаясь скрыть, как и другие, тревожное настроение. Ничто не могло отвлечь Григория от его мыслей. Ему вспоминался вчерашний день, торжественный вечер, прощание с друзьями. Сборы... Неизвестность – хуже всего. Солнце, чуть прикрытое рваными остатками туч, показалось из-за кукурузных полей и осветило небо нежно-розовым светом. Чуть позже начала проявляться окраина города – выбеленные хатки, сады, огороды. Вон мальчишка чуть свет повел пастись козу, она заупрямилась, и он огрел строптивую хворостиной...

За подворьями пошли заводские строения с трубами, склады, мельница, невысокие дома, мощёные булыжником улицы, церковь. Вдоль шоссе потянулся бесконечный плетень, тополя да шелковицы, засыпавшие землю кругом черными жирными ягодами. Вот он, Проскуров, промышленный центр Подолии, разделенный полосой железной дороги на две части. С 1914 года здесь стояла 9-ая армия Юго-Западного фронта, куда и направлялся Григорий после киевской школы прапорщиков.

Вчерашние курсанты стояли в проходе, смотрели в окна, курили, чистили сапоги. Двое в утреннем свете с интересом рассматривали карту из планшета штабс-капитана Петраченко и о чем-то с жаром спорили. Сам же старший офицер, собранный и готовый к высадке, широко расставив ноги в начищенных хромовых сапогах, причесывался у зеркала и что-то напевал себе под нос, возможно, как и остальные, пытаясь себя успокоить.

Поезд, долго тащившийся вдоль города, стал снижать скорость вблизи вокзала.

Проехали надпись: «Проскуровь». Заскрипели тормоза, и паровоз дал небольшой ход назад, вагоны дернулись и гроыхнули.

Большая часть состава осталась за пределами перрона, но вагону, в котором ехал Григорий, повезло. Офицеры, проходя по одному с вещами вдоль узкого вагонного коридора, не торопясь, покинули поезд и направились в арку здания. Вероятно, когда-то этот вокзал являлся центром отдыха горожан и расквартированных здесь военных. Собрание, ресторан притягивали офицеров из лагерей, расположенных севернее и кавалерийских казарм. Проезжавшие на запад и на восток поезда, останавливались тут, девушки из окон первого класса заглядывались на храбрых кавалеристов, а те, покручивая усы, прогуливались по перрону, будто ожидая кого-то. Картина эта невольно промелькнула в воображении прапорщика, как некий праздничный штамп. Впечатления дополняла реклама парфюмерии товарищества Брокеръ. Картина изображала красавицу в шляпке с букетом роз. Около левого глаза девушки краска совсем осыпалась, а в том месте где рыжий локон, завиваясь, падал на плечо, зияла дыра с кулак и болтался на ветру клочок оторванной холстины.

Вид облезлой рекламы у входа в ресторан и разбитого стекла витрины вернул Григория на землю. Все теперь тут переменилось...

Зал ожидания был полностью переоборудован. Присесть с вещами негде, кругом по периметру стояли столы, за которыми сидели заспанные писари и офицеры, производящие прием. Большое количество вооруженных людей, на вокзале в столь ранний час, поразило воображение прибывших. Кого тут только не было – инженеры, санитарный батальон, казаки, холеные штабные офицеры и прочие. Доставляя донесения, пробегали ординарцы, все двигалось и кипело, докладывало и отдавало честь.

Не без труда Григорий отыскал того офицера, который ведал вопросами размещения и передвижения пехотных бригад. Измученный с раннего утра заполнением бумаг, маленький подпоручик с усиками, стараясь не отвечать ни на какие вопросы прапорщика, сделал необходимые отметки о прибытии в документах, да отправил к офицеру, ведавшему формированием. Многие, ехавшие в поезде, здесь в Проскурове должны былиделиться по своим командам.

Очередь подвигалась очень медленно, и Григорий стал разглядывать через засиженное мухами окно зала небольшую площадь, вымощенную брусчаткой. Тут стояло несколько зенитных орудий с расчетами, (говорили, налеты вражеских аэропланов были вполне ожидаемы), два трофейных австрийских пулемета «Шварцлозе» и броневтомобиль. Площадь была оцеплена и, видимо, хорошо охранялась.

Улицы, впадавшие вокзальную площадь, казались пустынными – предприятия еще не работали, только крохотная булочная на углу открыла ставни.

Над входом в соседний дом развевались флаги Антанты – союзники имели тут представительство: Проскуров был местом дислокации подразделений союзных войск: английского дивизиона мотопехоты и французского авиационного отряда. Но у входа в тот час не виднелось ни одной живой души и окна были наглухо закрыты.

Новобранцев с поезда направили сюда, на площадь под присмотром вооруженной охраны. Переходя через мостки, они щурились от утреннего света, отряхивая с себя солому и хлебные крошки. Их доставили, как обычно, без удобств, как скот, по 40–45 человек в товарном вагоне. Некоторые ехали, вероятно, всю ночь стоя. Старший унтер ругался, покрикивал:

– Не растягиваться! – и, подгоняя тумаками пополнение, торопил освободить поезд. Новобранцев укачал этот перегон, земля еще плыла под ногами, вид у всех был потерянный и разбитый.

Очередь, как назло, совсем замерла, и прапорщик продолжал наблюдать за происходящим на площади. Одеты прибывшие были, как попало, во все то, чего было не жаль. Здесь только предстояло еще им получить амуницию и сделаться настоящим пушечным мясом, а пока это была просто неорганизованная толпа с узелками, котомками, мешками и чемоданами. Почти все они были из крестьян...

Агапов взгляделся в землистые лица, будто ища знакомых, и не увидел в них ничего, кроме животного страха и отчаяния.

Новоприбывших построили по другую сторону площади, и унтер мрачно прохаживался перед строем, глядя в брусчатку и ожидая указаний кого-то из старших.

Григорию стало не по себе при мысли о будущей ответственности за таких несчастных, испуганных, ничему не обученных людей. Думы эти и раньше посещали его, и чем ближе они находились к фронту, тем становились тяжелей. Григорий не был профессиональным военным, напротив, все его романтическое существо противилось всяческому безрассудному подчинению и не принимало подавления человеческой воли.

Этот романтизм отлично уживался в нем с внутренней дисциплиной, любовью к порядку, порой граничившей с педантизмом. Земский статистик, плановик и неутомимый счетовод всего того, что поддавалось на этой земле учету, Григорий знал цену цифрам, верил в них и видел за ними реальный труд людей. Работая в статистическом отделении Нижегородского земства, он не раз ловил себя на том, что зримость и осязаемость чисел прошедших через его отдел и детально проработанных его сотрудниками, так же влюбленными в свое дело, как и

он более чем реальна. Вот тут, пять процентов, – не что иное, как неурожай зерна, за ней – брошенные избы, ремесла, поиски работы в городе, нищета. А эти 10 % – Ярмарка, договоры на поставки сельхозтехники в губернию и снижение налога... Вот купцы внесли в казну, вот статистика по народному займу, 6 % прирост... Все просто складывается из цифр!

Григорий знал, что с помощью разумного планирования можно увеличить урожай, регулировать цену на молоко и мясо в масштабах уезда и губернии. Работа в Семенове, составление монографий крестьянских хозяйств дали ему представления о скотоводстве и птицеводстве, о высеве и сборе сельскохозяйственных культур, бесценные знания о нуждах, доходах и расходах крестьянина. Будучи сам выходцем из крестьян, он прекрасно представлял себе заботы человека, работающего на земле.

Его домашний блокнот содержал записи обо всех важных покупках, он всегда грамотно планировал скромный бюджет своей семьи, для того, чтобы из обязательных трат выкроить средства на платье, лечение или поездки, подарки детям.

Так уж сложилась судьба, что в 37 лет Агапов оказался здесь, среди этих военных, опытных кадровых, и таких же временных, как он сам. Он совсем еще не представлял суть войны, психологию таких разных людей, оказавшихся здесь с ним, но ему предстояло понять это, просто не было иного выхода.

Война, тоже состоявшая из цифр, ни за что не вписалась бы в монографию.

По другую сторону вокзала началась разгрузка поезда, с которым он прибыл. Пульманы, вымытые за ночь дождем, светились на солнце яркой зеленью и золотом орлов. Еще вчера вечером этот поезд был прокопчен и забрызган грязью, а сейчас его и не узнать – игрушка!

Платформы освобождали от инвентаря, многочисленных ящиков с продовольствием, оружием и инструментом. Везли пулеметы разных марок, пожалуй, больше кольтовских «Максимов», много патронов к ним, станки Соколова, новенькие в масле и восстановленные трехлинейки Мосина образца 91 года. В одном из вагонов приехал радиотелеграфный аппарат, занявший аж пять мест фанерных ящиков. С поездом прибыло и немало артиллерийских снарядов, в основном для 76 мм пушек, их с нетерпением ждал ненасытный Юго-Западный фронт. Два взмыленных интенданта носились по всей длине платформы, ведя в ведомостях подсчет прибывшего груза и погоняя работавших, а самим грузчикам из солдат не было числа.

Вот и его очередь подошла. Григорий прошел в узкую комнатку. Разобравшись с предписанием прапорщика, офицер шлепнул печать в документ и хрипло прорычал:

– В тридцать пятые! Григорий пытался что-то уточнить, штабной подпоручик, не желая ничего слышать, рявкнул:

– Там все написано, выполняйте! Следующий! – и выпроводил его.

– Тебя тоже опеределили в 35-ые? – он обернулся, у окна стояли Александров и Юдин, уже прошедшие все инстанции и изучавшие выданные бумажки.

– Говорят, жуткий клоповник. Надеюсь, до костей насекомые нас не успеют обглодать, надо же и немцам что-нибудь оставить, – мрачно пошутил Юдин.

Григорий не успел подружиться ни с тем, ни с другим, но все же это были товарищи по школе. Оказалось, 35-ые казармы Драгунского полка находились на южной стороне города недалеко от вокзала, там и формировался тот самый 86 армейский запасной маршевой батальон. *(В 1908 году А.И. Куприн проходил службу в этих казармах. Повесть «Дуэль». Прим. А.Л.)*

– А Бобылева не видели? Куда его? – справился Григорий.

Немногословный Александров только развел руками. Некоторые офицеры, прибывшие с тем же поездом, получили иные указания. По северную сторону железной дороги находились военные лагеря, там тоже собирали бригады для следования на фронт.

Они вышли снова на перрон, поезд, тот самый Киевский, был готов к отправке. Паровоз уже переместился на восточную сторону и стоял под парами. Кто-то возвращался с этим

поездом в Киев, но счастливых этих было немного. Скорее бедняги раненые, отпускники, да особое начальство...

День разгорался, тумана и в помине не было. Пирамидальные тополя, стоящие за путями отбрасывали на плетень короткие полуденные тени. Прапорщики поставили вещи около металлической решетки платформы и несколько минут любовались видом Северной части города.

– Ваш благородь, дай закурить! – Старик на костылях стоял рядом с ними, прислонившись к столбу. Одной ноги у него не было, а лицо, загорелое и давно не бритое, заросло до самых прищуренных глаз седой бородой. Александров оглянулся и протянул кисет.

– Где тебя так, отец?

– Бонбой, сынок на японском. Досталось нам, не приведи господь. – отецдохнул перегазом. – душистый у тебя табачок, служивый, спасибо, милочек – забормотал инвалид, сворачивая дрожащими руками толстую самокрутку из куска «Ведомостей».

– Если бы не умница-подпоручик, кормить бы мне червей в той китайской земле. Вывел он людей из под огня. Главное – от паники спас, от дурасти... Григорий сообразил, что стариком калека не был. Если вычесть те десять лет, что прошли с японской кампании, пожалуй, столько же будет, как ему. Прапорщик поежился от этой мысли.

В это время звякнул латунный колокол, паровоз свистнул и дал малый ход. Выпущенный им пар низко пригнул траву у путей. Вагоны громыкнули, тронулись, и взоры всех обратились на уходящий поезд. Как будто где-то внутри у каждого само собой зазвучало «Прощание славянки», и, не сговариваясь, офицеры, стоявшие на перроне и усталые от разгрузки солдаты подтянулись и расправили плечи, будто отдавая молчаливый салют уходящему на восток поезду...

Ярмолинцы 1915

Кадиевка. Выходной. Тоска. О песнях. Ночь

«В селе Кадиевке около Ярмолинцев с 4 сентября поместился в хате с двумя прапорщиками. Наша хата по обычаю малорусских селений обращена окнами и входом на сторону, противоположную улице. Чудесный вид через огороды на пруд, сверкающий между прибрежными деревьями. На другом берегу помещичий парк. Днем яркое солнце, ночью лунный блеск.

В полях протянуто бесконечное множество нитей-паутинок, заткавших своим золотистым блеском все пространство поля, куда хватает глаз по направлению против солнечного света.

Здесь у меня какое-то особое настроение. Жизнь всего мира кажется чуждой и далекой; нет никакой заботы».

Григорий положил перо на чернильницу и потянулся.

«Как, в сущности, медленно тянется время. Кажется, я тут уже целых три месяца, а ведь прошла только неделя. Нет, определенно от безделья можно с ума сойти. А солдат мы должны учить. Если их не учить, в первом же бою пропадут. Или уйдут, разбегутся врассыпную. А этот Федоров? Каков прохвост! Рота вся поднялась по учебной тревоге, а он отсиделся в каптерке, не вышел. Может, я слишком мягко его наказал? Григорий вспомнил преподавателей из временной: «наказание должно быть суровым и неотвратимым». Однако минуло то время, когда все держалось на унтеровских пинках и зуботычинах. Сами унтеры теперь были в строю, лишь временами подменяя младшего офицера. Занятия проводили весьма мягко, даже не каждый день, особо не отягощая никого – запасной, он и есть запасной. Присмотра со стороны старших офицеров почти не ощущалось, что хочешь, то и делай, унтеры кулаки не распускали, во всяком случае, на виду рядовых не обижали. Что касается «офицеров военного времени» – так те вообще непростительно либеральничали. В Кадиевке стояли временно, и это расхолаживало.

Что дальше? Еще один городишко или село? Постоянно на чемоданах сидели. Все это создавало ощущение какой-то отстранённости и от ничегонеделания неодолимо клонило в сон.

Агапов достал черный лаковый блокнот с записями, книжечку с уставом. Отрывочные знания по тактике сражений... Что можно усвоить за три месяца? Офицеры в Киевской школе активно развивали новые идеи, упоминая Драгомирова. Новации означали переход от тотальной муштры к воспитанию «нравственных» качеств бойца и командира, индивидуальную работу, культурное отношение к солдату. Все это можно было принять лишь с большим сомнением. Невыполнимыми казались эти меры. К тому же драгомировское отношение к новым видам оружия, например скорострельным Григорий не понимал. Идти под пулями в штыковую в полный рост без поддержки пулеметов?... Гибнет первый взвод со вторым, а потом третий. Психологический натиск. Несопоставимость новшеств, устава и реальности пугали. Григорий не привык к такой недосказанности, слишком уж много абстракций. Вероятно, чего-то он недопонимал, не хватало армейского опыта, практических знаний.

А как это можно было понять? Нет ни патронов, ни винтовок со штыками. Небольшой учебный запас плюс оружие караула. Ждали подвоза оружия из Проскурова уже неделю, но напрасно. Солдаты, несмотря на суровые меры, не очень настроены служить и еще меньше воевать. Кому ж охота воевать. Крестьянин обеспокоен – землей, урожаем, чтоб был. Городские, их мало, те рассуждают о политике, о большевиках, эсэрах. Григорий вспомнил, своих знакомых, те, кто придерживался новых прогрессивных взглядов...

Да, Александр Иванович, например... На пасху были у них в гостях с Мэри и детьми. Марксист, а чудный человек, пасху отмечает. Не помню даже, чтоб вообще дома у Пискуновых о политике зашла речь, ну разве, о школьных реформах? А ведь, в самом деле, умнейший гражданин, патриот! Как он разговаривал с Алей о Толстом... Бывает, же в самом деле так, что кому-то Господь дает все самое, самое. Ах, если б таких умных людей было больше в России. Как бы зажили! Никакой немец никогда не сунулся бы воевать с нами. И родной дом жил бы спокойно.

Нет, не думать о доме! Нет, решительно, лучше не думать, и о Толстом тем более. Может, я напрасно переживаю, все не так плохо, и все образуется?

Агапов встал из-за стола и подошел к маленькому окну, смотревшему во двор.

Муха, проснувшаяся на подоконнике, завертелась и зажужжала, прервав ход размышлений прапорщика. Свернув зачитанную до ветхости газету, он прибил ее. Отправив газету в печку, он почему-то в мыслях вернулся к марксистам. Несомненно, идеи их он разделял. Вера в справедливость и свободный творческий труд, правильное будущее и развитие науки в последние годы поддерживала не его одного, а работа в статистике давала ему новые знания и пищу для ума каждый день.

Но статистика переживала в начале века потрясения. Война с Японией, реорганизация вооруженных сил, подъем промышленности, миграция населения, несомненно, вызвали большие перемены в его жизни и ежедневной кропотливой работе... Чаше, чем раньше, Агапов в последние месяцы гражданской жизни вглядывался в статьи М. Плотникова, вновь и вновь удивляясь прозорливости этого замечательного теоретика новой науки. Одной из главных заслуг сего ученого мужа было детальное исследование влияния урожаев и цен на различные аспекты деятельности человека. Одна из основных его книг так и называлась: «О влиянии урожаев и хлебных цен на кустарные промыслы».

К сожалению, многие работы его остались в Петербурге и не были доступны Григорию, но и того, что он прочел, было с лихвой достаточно, чтобы увлечься на первый взгляд довольно скучной работой земского статистика. *(Плотников Михаил Александрович – земский статистик и публицист. Окончил курс в Московском университете по юридическому факультету. Служил в статистическом бюро нижегородского губернского земства. В 1896 г. переселился в Петербург, где был до 1899 г. одним из ближайших сотрудников журнала «Русское Богат-*

ство», работая по преимуществу в отделе внутренней хроники журнала. Умер в 1903 г. Главные труды Плотникова: «Кустарные промыслы Нижегородской губернии» (Нижний Новгород, 1894, издание нижегородского губернского земства); «О влиянии урожаев и хлебных цен на кустарные промыслы» (в сборнике «Влияние урожая и хлебных цен», издано под редакцией профессоров А.И. Чупрова и А.С. Посникова, СПб., 1897 – примечание А.Л., источник – Википедия).

Григорий Агапов.

Применяя некоторые положения и формулы Плотникова, Григорий в своей работе с кустарными промыслами впервые убедился в их эффективности. Регулирование цен, рынка продуктов труда человека открывало новые возможности развития села. Конечно, многое было доступно лишь теоретически. Необходимы были новые законы ведения хозяйства и понимание проблем наверху.

А это понимание, надо признать, было.

Просматривая сводки Центрального статистического Комитета при Министерстве внутренних дел (*Комитет был в 1894 году переименован в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ, а с 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия – примечание А.Л.*), опубликованные как «Урожай 1894» и последующих годов, Агапов видел, какие удивительные изменения в крестьянском хозяйстве произошли за последние годы.

Григория охватывало радостное ощущение победы, когда он собственными глазами наблюдал, как у людей на селе поднимался дух и интерес к новым средствам производства. Внедрялись удобрения, новый посадочный материал давал надежды на большие урожаи, развивались кустарные промыслы, приносящие людям доход, и, как ни странно, рос спрос на эту продукцию.

В своих работах, посвященных росту кустарных промыслов, Агапов анализировал взаимосвязь множества влияющих факторов, и многие цифры его отчетов были лично получены на селе с помощью опытов и измерений.

Заготовленный заранее статистическим отделением губернского земства бланк заполнялся чиновником, ответственным за волость, уезд.

Например, в своей монографии крестьянского хозяйства от 1905 года в Красной Рамени Семеновского уезда (домохозяин Иван Васильевич Голубев), Григорий собрал данные о распределении усадебной площади хозяйства, площади лугов, сведения о постройках, детальные данные о полезном и «мертвом» инвентаре.

Особые графы заполнялись данными о производимых продуктах, о расходах на фураж, топливо, удобрения и корма скоту.

Очень важными являлись сведения о лесном хозяйстве, пчеловодстве, найме рабочей силы и отпуске ее на сторону для производства работ или торговли собственным продуктом. Каждая квадратная сажень, семья пчел, ведро молока, рубль прибыли и убыли были вписаны в бланк, который в дальнейшем обрабатывался в отделении. В конечном итоге, по такому документу можно было проработать дальнейшее планирование отдельно взятого домохозяйства, подсказать нужные решения для получения максимальной эффективности производства. Этот индивидуальный опыт имел огромное значение для развития сельского хозяйства, он позволял регулировать урожайность, создавать необходимые промыслы, производить в разумных количествах наем годовых и срочных работников и пр.

Как всегда мешали формальные подходы, недобросовестное заполнение бланков, лень и стремление некоторых сотрудников превратить живой опыт в бесчувственную бюрократию.

Большое внимание Агапов, как земский чиновник, уделял личным консультациям людей по вопросам ведения хозяйства, приобретения земли, развертывания кустарного производства. Чувствовалось и доброе отношение крестьян.

Он вспомнил как один из хозяев – Павел Чуев уже после заполнения бланка на другой день вернулся в контору Григория и заявил:

– Григорий Иваныч, прости, любезный, совсем я забыл сказать, я ведь еще в этом году винишком приторговывал, впиши, дорогой!

Сам по себе, факт сей откровенности не был единственным, и лишний раз напоминал Григорию – люди понимают важность того, что он делает, знают, что сведения, предоставляемые ими, нужны для развития их же хозяйств. Но были и те, что этого не понимали.

В целом, баланс такой деятельности, несмотря на недолгий опыт Григория Агапова, был положителен. Кое-кто имел, все же, потери, многие риски работы в сельском хозяйстве невозможно было предусмотреть, но, тем не менее люди стали чаще приходить к нему за советом.

Он вспомнил благодарственное письмо одного из нижегородских купцов, которому помог принять правильное решение в закупке продукции кустарных промыслов. Речь шла о заказе большой партии хохломских изделий, которые к тому времени уже прославились в Европе. Конечно, эта помощь была почти частным делом, однако выиграли от разумного решения и город, и Семеновский уезд. Разве это не было здорово, что от такой сделки на промыслах для людей открылись новые рабочие места?

Все эти добрые статистические раздумья были прерваны шагами во дворе, Григорий быстро убрал письменные принадлежности и черный блокнот со стола. Он не любил делиться своими мыслями. Во всяком случае, сейчас не готов был к этому. Соседи по квартире возвращались с прогулки. Юдин и Александров ходили осматривать окрестности. Они были такими же младшими офицерами, как и он и в их документах тоже значилось «Приказом по 21 армейской маршевой запасной бригаде за № 214 назначен на службу в 86 армейский запасной маршевой батальон»

Пока это было единственным, что их всех объединяло. Вечно недовольный всем Юдин, красавец повеса Александров, рассудительный и принципиальный Григорий.

Шумная компания приближалась к дому. Денщик Юдина, Иван Луговой, двигаясь впереди остальных, появился на пороге чуть раньше с какой-то поклажей. Не иначе, запасся плодами чьего-то огорода. Григорий осуждал это в душе, но ничего не говорил. Было заметно, война многих сделала другими. Дело было даже не в том, что этот солдат не знал устава, не в двух-трех морковках, взятых им, пускай, даже с разрешения хозяина. Полноватый Юдин, в темноте сеней наткнулся на Ивана и выругался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.